

СИБИРСКИЕ

ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей РСФСР
и Новосибирской писательской организации

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

В Н О М Е Р Е:

Юрий ВИСЬКИН. Пантелеймон. *Рассказ* 3

Александр РОМАНОВ. Из книги «Границы лет». *Стихи* 21

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ. Алан КУВАТИЕВ.
Все в одной лодке. Анатолий ШАЛИН. Лучшая
половина. Заблудились. Евдокия. Александр БА-
ЧИЛО. Чувствуйте себя, как дома... Волшебник.
Василий КАРПОВ. Высота 4100. Александр ЛЕО-
НИДОВ. Достаточно одной таблетки 27

Л. ШТУДЕН. Топаз. *Рассказ* 66

Петр МУРАВЬЕВ. Сладкие яблоки. *Повесть. Окончание.* 76

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ВАСХНИЛ В СИБИРИ

В. ЛАЗОВСКИЙ. *Директор Сибирского НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства.*
О главном кормильце народном 102

В. ТАРАСОВ. «Абвер» ищет связь 109

12

1985

ЗАПАДНО-
СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Марк СЕРГЕЕВ, «Когда за истину страждут...»,
К 160-летию восстания декабристов 132

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Леонид РЕШЕТНИКОВ. Боль и сила совести 148

МАРТЫНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ОМСКЕ. И. СЕРЕБРЕННИКОВА. Омский постфутуризм и творческие искания Леонида Мартынова (20-е годы). Н. ФОКИН. Леонид Мартынов и историческая поэма 30-х годов. В. УТКОВ. Военные годы Леонида Мартынова. Э. ШИК. Публицистика Леонида Мартынова военных лет. А. СТРЕЛЬЦОВ. Маяковский и Мартынов (о традициях в освоении ленинской темы) 156

Содержание журнала за 1985 год 172

О наших авторах 176

Главный редактор
А. В. НИКУЛЬКОВ.

Редакционная коллегия:

В. О. АДАРОВ, В. П. АСТАФЬЕВ, Л. А. БАЛАНДИН, Э. В. БУРМАКИН, Н. Г. ДАМДИНОВ, С. П. ДАНИЛОВ, В. И. ЗЕЛЕНСКИЙ, Л. И. ИВАНОВ, Г. Ф. КАРПУНИН [зам. главного редактора], А. У. КИТАЙНИК, А. Л. КОПТЕЛОВ, К. Я. ЛАГУНОВ, В. М. МАЗАЕВ, В. Г. ОДИНОКОВ, Г. Н. ПАДЕРИН, А. И. ПЛИТЧЕНКО, Л. В. РЕШЕТНИКОВ, А. А. РОМАНОВ [ответственный секретарь], А. И. СМЕРДОВ, Л. А. ЧИКИН, А. М. ШАСТИН.

КРИТИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Леонид Решетников

БОЛЬ И СИЛА СОВЕСТИ

*В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство.*

*А есть еще:
Совесть,
Честь...*

А. ЯШИН.

«В несметном нашем богатстве...».

*Всей кожей своей я чувствую и
жду, когда освободится эта земля
из-под снега, и мне не все равно,
чем засеют ее в нынешнем году
и какой она даст урожай...*

А. ЯШИН.

«Угощаю рябиной».

1

Только посредственные художники похожи друг на друга, ибо всякая посредственность сама по себе безлика. В истинном же художнике — все свое, незаемное и единственное, принадлежавшее только ему. Все — от лица творческого и человеческого до судьбы творческой и личностной, до пути, по которому поднимается он к постижению истины, к постижению, в конечном счете, самого себя. Этот путь к самому себе, всем существом устремленному к истине, никогда не бывает ни простым, ни легким. И не всегда приводит к победе. Ибо эта победа, в первую очередь, — победа над самим собой. А она — не всякому под силу.

Александр Яшин, поэт пронзительной совестливости и искренности, такую победу одержал. Но путь к ней был не прям и не короток. Он потребовал от поэта большого нравственного опыта, большой душевной зоркости и мужества, бескомпромиссной борьбы с самим собой — тем больших, что он вошел в советскую поэзию быстро и счастливо.

От рождения наделенный суровой и своеобразной красотой русского деревенского севера с его своеобразным укладом и языком, неброскими, но пронзительными красками его необъятных рассветов и закатов, он на первых же порах был замечен и поддержан такими мастерами стиха, как Н. Асеев и И. Сельвинский. Помню, как году, кажется, в тридцать восьмом я увидел в «Октябре» два новых для меня имени — Александра Яшина и Ксении Некрасовой. Под маленькой напутственной заметкой типа сегодняшнего «Доброго пути!», подписанной, если мне не изменяет память, Н. Асеевым, было дано несколько стихотворений представленных поэтов. Именно тогда я и прочитал впервые оказавшую яшинскую «Вологду»:

*Ты пройдешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда...*

Как я теперь догадываюсь, стихотворение было, видимо, взято из книги «Северянка», готовившейся в это время к изданию.

С тех пор я уже никогда не забывал этого стихотворения. Уже тогда, после первого знакомства с ним, даже и мне, молодому парнишке, было ясно, что автор его наделен своеобразным и ярким талантом.

Время лишь подтвердило правильность этой догадки. Александр Яшин показал себя действительно поэтом своеобразным, глубоким и честным, хорошо знающим советскую деревню и прочно стоящим на почве русского народного поэтического языка. Его голос был хорошо различим уже перед Великой Отечественной войной. Во время войны, когда Яшин был не только поэтом, но и солдатом, воевавшим в рядах защитников Ленинграда и Сталинграда, атаковавшим позиции врага в подразделениях морской пехоты Балтийского и Черноморского флотов и Волжской военной флотилии, его голос еще более окреп и закалился.

Поэт, как многие лучшие наши литераторы, «мобилизованные и призванные» Великой Отечественной войной, воздал должное подвигу вооруженного народа. Но опять же, как большинство советских поэтов, участвовавших штыком и пером в этой битве, лишь прозвучал последний ее выстрел, поспешил вернуться к теме повседневной жизни, повседневного труда народа, труда, который, в тех неимоверно трудных условиях восстановления разоренного войной хозяйства был сам по себе подвигом, мало чем отличавшимся от подвига народа на войне. Долг художника указывал ему на его место в новом сражении за победу, в первых плодах которой так нуждалась страна. Восславить этот новый подвиг народа и показать его победные шаги на пути к экономическому и духовному расцвету, по которым так стосковался народ, — было лозунгом и требованием совести и эпохи.

И Александр Яшин с готовностью последовал им. Однако задачи, которые выдвигает эпоха всегда, сложны и многообразны и среди них иногда можно встретить и такие, которые выдвигаются не логикой развития живой жизни, а схемой ее, когда, заслоняя живую реальность, желаемое выдает себя за действительность. В стране, разоренной войной, не хватало рабочей силы, жилья, продовольствия. Хотелось скорее увидеть народ одетым, обутым, накормленным, более того — приближающимся к более высокой ступени общественного развития. Из этого естественного желания — поторопить процесс улучшения народной жизни — и зародилась в некоторых кругах общественности, и в том числе в творческих кругах, в литературе и литературной критике, стремление показать достигнутым то, до чего на самом деле было еще очень не близко. Отсюда — и книги, картины, фильмы, в которых победы, достигнутые в экономике и культуре к тому времени, преувеличивались, а острота реальных жизненных проблем приуменьшалась. К сожалению, не избежала влияния этой тенденции и поэтическая работа А. Яшина тех лет. Свидетельство тому — поэта «Алена Фомина».

Как мы знаем, в те годы, о которых идет речь, произошло одно событие, которое самым решительным образом повлиало на развитие искусства и литературы и, в частности, на дальнейший творческий путь поэта:

партия приняла ряд кардинальных решений, которые, с одной стороны, способствовали дальнейшей демократизации общественной жизни, а с другой, потребовали от творческой интеллигенции ясного и принципиального взгляда на жизнь, объективного ее изображения, опирающегося на принципы партийности и народности.

Эти решения партии заставили поэта много пересмотреть в его отношении к жизни и методу ее изображения.

Поэма, которая по выходе получила дружную поддержку литературной критики, открылась автору в ее истинном свете, и он увидел, что нравственная и эстетическая ценность ее весьма проблематична. Казалось, поэт лишь на мгновение отошел от реальной жизненной правды, но это отступление от нее жестоко отомстило ему. Он увидел, что подмена суровой правды жизни ее красивой схемой породила мертворожденное произведение.

К счастью для А. Яшина и для советской литературы, он оказался человеком незаурядной воли и трезвого взгляда на свою работу и свою роль в жизни. Он сам, со своих нравственно-эстетических высот этого времени, оценил свою поэму и дал ей более объективную оценку, чем та, которую дала ей критика. И затем уже не переиздавал ее и не включал во все последующие издания, в том числе и в подготовленный им перед его уходом двухтомник. Но все это было уже следствием нового, более требовательного взгляда художника на себя и свою роль в обществе.

В жизни поэта — человеческой и творческой — заканчивался один период и начинался другой. Нужно было оглядеться и с учетом этих двух уроков принять решение.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

Поэт решает, что отныне должен жить на той земле и с теми людьми, которые дали ему жизнь, сформировали его душу и сделали своим поэтом. И он едет на малую свою родину — в Вологду, в Никольский район, в родную деревню Блудново. И поселяется в бору, избеганном им еще с детства, на берегу веселой речки Юг, одаривавшей его когда-то своими окуньками и пескарями, на высоком, поросшем сосняком бугре. На Бобришном угоре. Чтобы отсюда ежедневно навещать своих односельчан, видеть их труды и дни, разговаривать с ними и вникать в их заботы и нужды. Чтобы здесь, под ровный гул соснового бора и тихий шелест струящейся рядом реки, вдали от каждодневной литературной и околотературной суеты, на новом уровне понимания стоящих перед народом задач, спокойно и несуетно осмыслить и эти задачи, и свою роль в их решении.

2

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

• («Москва — Вологда»)

И пусть иногда сурова
Ко мне родная изба.—
Я тутшний.
Из Блуднсва,
И это моя судьба.
(«Земной поклон»)

Итак, Россия, Родина, Судьба! К этому добавляется еще одно недостающее звено — отчий дом, материнское крыльцо. Колыбель всякой человеческой жизни и исток жизни духовной, дающей начало и направление всему жизненному пути человека, всей реке его жизни.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пением птиц просыпаться,
Жить, как учила мать.

(«Обнова»)

«Жить, как учила мать» — значит жить по чести и справедливости, исповедуя неписанный закон обязательного внимания и доброжелательности к окружающему миру. Ибо иначе, не научившись этому высокому искусству — жить по совести самому, нельзя научиться и быть судьей и учителем жизни для других. А без этого — зачем же стихи и поэмы.

И вот поэт принимает к истоку всего незамутненного и чистого, благо исток этот — рядом.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши...

Здесь особенно важно упоминание о «детстве и юности», поре, когда все в жизни — суть и красота открывающегося мира и чистота человеческих отношений — воспринимается, как известно, наиболее впечатляюще ярко и ясно, без возможных последующих наслоений.

Одержимый стремлением постичь истину из первоисточника, поэт каждодневно вопрошающе обращается к природе, к людям, к своей совести. Ищет ответа на свои вопросы у окружающего мира. И не в последнюю очередь — у природы, потому что в ней нет заданности, она не обманет. У природы — не обманывающей, но творящей все сущее на земле, в том числе и нас, «царей природы», по неразумности своей все чаще и чаще пытающихся выключить себя из нее и удалиться от нее, не думая о возможных последствиях этого как для нее, так и для себя.

Природа в восприятии поэта — это не только трамплин и колыбель, но — врач и учитель, мать и невеста, когда можно — любовно, когда нужно — сурово, но надежно вопрошающая человеческую душу, наполняющая ее своей красотой и силой.

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несусь
В дом из окрестных рощ...

(«Песня без слов»)

Что же несет лирический герой из лесу, ежели в нем — ни грибов, ни ягод? Не все ли равно, что именно, — ведь найденное несет он не в продуктовую кладовку, а в кладовую души. А для нее пустых выходов в окружающий мир не бывает: уж она-то что-нибудь да найдет, достойное радости:

Шишку, похожую на ежа,
Песню.
пока без слов...

И лирический герой, как выздоравливающий больной, вышедший наконец из своей палаты на воздух, как уставший после долгой дороги путник, приблизившийся к заветному порогу, со вздохом облегчения произносит:

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва.—
Песню нашел.
и она живет.
Сыщутся и слова.

Слова действительно сыскались. В частности, и о том, как лирический герой стихотворения, до этого не выходявший в мир природы без ружья («Стрелял и коршуна и воробья»), вдруг словно прозревает, увидев самого себя в этом неприглядном виде. И вот — результат:

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу заян не срублю.
В корнях родничок, что клад, берегу.
На муравейник не наступлю.—
Люблю все живое.
Живых люблю.

(«Люблю все живое»)

Слова сыскались потому, что сыскалась сама душа, не без усилий расчищавшая себя от всевозможных завалов и заносов, подобно тому, как расчищает себя река во время ледохода от мусора прошлых лет.

«Покормите птиц зимой», — обращается лирический герой другого стихотворения к своему возможному собеседнику,

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для них тепло.

(«Покормите птиц»)

И в этом обращении нет никакой сентиментальности. Просто лирический герой узнал одну непреложную истину: человеческое счастье неотделимо от счастья окружающего мира, даже если этот мир не наделен даром человеческой речи. У мира зверей и птиц свой язык, но без его звучания человеку в этом мире грустно, как бывает грустно глухому среди говорящих.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

Добросердечие и сострадание, сочувствие и соучастие — вот чему учит поэта природа и чему, наученный ею, учит он нас.

И все же он отлично знает, что сама по себе окружающая человека живая природа не может стать исключительным или, тем более, единственным объектом внимания поэзии. Природа важна для поэта как среда, в которой обитает человек, и, с другой стороны, как часть его души. Главным объектом поэзии является все же сам человек — вместе со всеми его связями в мире, в том числе и с природой.

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не в праве я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.

(«Черт его дери — соловья!»)

* Стыдно, потому что есть другие заботы. Это ему, соловью, «плевать: знай себе работает — поет», — поскольку услаждение слуха его подруги, сидящей на гнезде, и есть его работа. Поэтова работа посложней, чем услаждение слуха читателей. Эта работа начинается тогда, когда под воздействием его

слова начинает работать человеческая душа, когда в ней просыпаются лучшие понятия о назначении человека на земле. Человека — строителя и вонтеля, хлебороба и мечтателя. Человека — хозяина земли, а не иждивенца ее, хозяина и устроителя мира и устроителя лучших человеческих отношений на земле.

Чтобы научить этому, надо самому многому научиться и многое понять, И поэт каждодневно входит в мир жизни своих земляков, разговаривает с ними, не отделенный от них трибуной, а соединенный с ними общей работой на лугу и в поле или общей песней в застолье, услышанной им впервые, возможно, еще в детстве. Он вспоминает это свое детство, босогое, но открытое мечтой об открытии неизвестного ему мира, о юности, скудной на наряды, но богатой духом продолжения революции.

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики?
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.
(«Мы были молоды»)

Вспоминает годы войны и, обожженный памятью о ней, проходит по полю жатвы, а видит за ним другое поле, поле битвы, наченное огнем, железом и смертью, и признается:

Эх, полюшко,
Поле боя!
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны
В землянках, в ходах сообщений.—
Они нам навек даны.
(«Сопоставления»)

Еще бы, ведь через это поле — из конца его в конец — прошел сам поэт. Прошел весь народ, горькую память о чем хранит почти каждая городская и сельская семья, каждая деревенская изба, напоминая об этом и траурной рамкой на стене, и пустующим местом за семейным столом. Вот в эту-то деревенскую избу, к хлебопашцу, вернувшемуся не столь уж давно с войны, ко вдове, всю войну исполнявшей обязанности мужа-хлебороба, да и сейчас не сложившей с себя этих обязанностей, и идет поэт. Идет, чтобы увидеть эту жизнь в непосредственной близости, в упор. И видит, что жизнь эта еще полна трудностей, особенно там, где находится сам он, в северной деревне.

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом...
(«Запасаемся светом»)

И если бы на пути труженика к его цели были только леса да болота!

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням
С храпом тянут свой воз
И олени
И кони.

И — как подведение итога:

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...

Как это не похоже на то, что им же было

сказано в той, написанной совсем недавно, но так далеко отодвинувшейся от него теперь, поэме:

Наш обоз, ребята, в город
Должен первым подоспеть...

Или — там же:

Чтобы всех врагов сломить,
Жизнь нельзя не торопить.

Или — того удивительнее:

— Как дела?
— На полный ход!
Жнем и вяжем без заминки,
Ничего, что по старинке...

Как изменился взгляд поэта на реальную действительность при той же неизменной его вере в свой народ, в его здравый смысл и силу; в его добрые побуждения и законные надежды на лучшую жизнь! Более глубокое, чем ранее, познание жизни лишь усилило в поэте эту веру в свой народ и подняло чувство уважения к нему. А это чувство плодотворно: оно оберегает от слов случайных и безответственных, помогает увидеть жизнь в ее конкретных проявлениях, побуждает к тому, чтобы говорить только правду, даже и в тех случаях, если она огорчительна.

Веточный корм собирали молодки, бабки,
Вброд по озерам осоку серпами жали,
Травку таскали домой
по охапке,
по шапке...

А заливные луга
кругом
стоят, как стояли.
(«Желтые листья»)

Что говорить — бывало! Но поэту, а вместе с ним и нам, его читателям, хочется, чтобы такое не повторилось. Народ, совершивший социалистическую революцию, вынесший на своих плечах все тяготы войны и принесший Родине Победу, а после войны, как в рукопашный бой, кинувшийся на битву за восстановление порушенного хозяйства, такой народ достоин горделивого восхищения. Тем больше достоин он бережливого внимания и участливой заботы о себе — вот одна из главных мыслей, которыми живет в это время поэт.

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают...
(«Все можем»)

Словом, подводит поэт итоги своим размышлениям: «Без устали трудимся...» Но тут же, резко и властно повернув наше внимание в другую, почти противоположную, сторону от того направления, в котором развивалась мысль, вдруг вопрошает:

Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?..

По праву совести обратившийся с этим вопросом к нам, читателям, поэт тут же — по долгу совести — судит себя самого за то, что и он в этом смысле «мечтал о многом, много обещал», да немного успел.

И, укоряя себя, но обращаясь и к нам, призывает к одному: «Спешите делать добрые дела!»

И снова, обращаясь к этой теме сердечного внимания и участия к человеку в стихотворении «Твоя родина», приходит к очень важному пониманию родины как народа, населяющего ее. Мысль эта, в общем-то не новая в лирической поэзии о родине, где понятие родины еще недавно очень часто сводилось к «трем березкам у пруда», несомненно, важна, о чем и напоминает нам поэт:

А все ли помним
И всегда ль
 о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом.
Не просто небо и земля.
А люди?..

И, уже обращаясь не только к человеческому чувству, но и к долгу поэта, автор формулирует этот долг, как он его понимает:

Спешу на выручку, других зовя.—
Пусть не найдется душ глухих и жестких!
Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!

3

В чем же состоит роль и назначение поэта, как их понимал Александр Яшин в этот последний период его жизни и работы?

В том, чтобы воспитывать в человеке душу, достойную его высокого звания, чтобы вселить в него веру в бессмертие мира и бесконечность развития человека, чтобы воспитывать ответственность за сохранение этого мира, земли и жизни на ней. Научить человека любви ко всему сущему на земле. Посеять в его душе не только чувства мужества и самоотверженности, но и сострадания, не только веру в свои силы, но и веру в силу совести. Словом, помочь выработать все те качества, без которых человек и человечество не может рассчитывать на успешное построение мира добра и разума, справедливости и братства для всех.

Эти чувства всегда отличали нравственно здорового человека. Без них невозможен был бы прогресс. Но в обществе, идущем к коммунизму, они необходимы человеку вдвойне. Необходимы, как хлеб и воздух. Успехи в науке и технике, достигнутые человечеством в последние полвека, не зачеркнули, а подчеркнули непреходящую и ничем не заменимую ценность этих духовных качеств.

Человеческий разум приручил фантастические виды энергии, проник в глубь микро- и макромира, покорил пространство и время, но душа человечества каждый раз, в каждом новом поколении, как душа ребенка, и по сей день нуждается в духовной пище. Одним из производителей ее является литература. Именно она в первую очередь ответственна за то, какой получит ответ вопрошающая и взыскующая истины человеческая душа. И поэт ясно понимает свою ответственность перед этой душой. Говоря о молодом племени, приходящем на смену отцам, которые, как нам иногда представляется, уже ответили на все запросы своего, да и нового, времени, он не без удивления открывает для себя:

Странно, что в век машин.
Атомных бомбовозов.
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот.
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?..
(«Милое мое горе»)

Ответить на все эти нелегкие вопросы надлежит поэту. А ведь среди этих вопросов есть и такие, на которые, может быть, и ответа нет. Пока, по крайней мере. Вроде противостояния двух социальных миров с их оружием. А между тем человек, да и все человечество, ищет ответа на свои вопросы. Неразрешенные, они, составляют боль и страдание и человека и человечества. И эта боль становится болью поэта, страданием его совести.

А есть и такие проблемы, разрешение которых, казалось бы, вовсе не зависит от каких-то глобальных сил, а вот поди ж ты! — не так-то просто решаются. Вроде отношения многих из нас к живой природе, отношения часто расточительного, а то и просто варварского. О людях глухих и слепых по отношению к природе поэт по справедливости говорит, что они

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталась.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

(«Письмо в «Лесную газету»)

Тут уже говорит не только боль совести, но и гнев ее.

Привлекая наше внимание к проблемам жизни живой природы, частью которой являемся мы сами и ресурсы которой под натиском НТР тают не по дням, а по часам, поэт, в лучших традициях С. Есенина, который, как известно, «зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове», предостерегает нас от высокомерия по отношению к этим братьям меньшим:

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В основном борь,
В березовой воше.
Где так многогранно желание жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

(«Не верю, что звери не говорят...»)

И, обращаясь не только к нашей совести, но уже и к нашему разуму, выговаривает мысль, выходящую далеко за пределы мира луга и леса:

Достойно ль царя природы
 делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?

И заканчивает эту мысль обязательным и справедливым выводом, который и должен бы нас, стоящих уже сейчас на пороге открытия иных миров, предостерегать от высокомерия, когда мы обращаем свой взор на окружающую нас природу:

Мы видим не все со своей горы.
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

Поэт верит, что этого не случится, ибо по-рукой тому разум, предохранивший человека от многих бед, и душа с ее совестью, которая не позволит человеку забыть его главное предназначение на земле — быть Человеком. На нее-то, на совесть, он и полагается более всего, к ней-то он постоянно и стучится.

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство.
А есть еще:
Совесть,
Честь...

По закону совести судит его лирический герой и самого себя, свое поведение в жизни и в литературе, свои самые глубокие чувства, вплоть до интимных. И не щадит при этом своего самолюбия.

«Я каюсь, что робко любил и жил», — с горечью признается он в одном стихотворении, адресованном любимой («Завещание»). В другом он корит себя за то, что был иногда недостаточно бережлив к женщине, которая делила с ним все радости и горести жизненного пути.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чем не провинившегося друга.

(«Опять я целый день негодовал...»)

В стихах «О безответной любви», «Остуда», «Боюсь любви, а не любить — не жить...» раскрывается еще одна сторона духовного облика лирического героя Александра Яшина — его высокое понимание чувства, именуемого любовью. Он и от любви хочет не просто огня, но добра и света. Не огонь в крови, но свет в душе — вот главная примета истинной любви! Именно стремлением выразить эту мысль рождено стихотворение «Обида». А стихотворение «О безответной любви» открывает еще одну грань понимания этого чувства: умение любить другого. Даже если любовь безответна. Ибо любовь — это не желание получить, но желание отдать жар своей души другому, согреть его!

Пусть безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Вместе с тем любовь — чувство ответственное. Именно об этом стихотворение «Боюсь любви, а не любить — не жить...» Любовь не должна быть эгоистичной. Она никому не должна мешать, но всем должна помогать. Вместе с тем это чувство, ничем не регламентируемое. Потому-то оно и чувство. И чтобы не прийти в противоречие с разумом, оно должно быть чисто. В этом главная мысль стихотворения. Кстати, в нем есть строфа, которая, как мне кажется, говорит не только об отношениях двоих друг к другу, но и всех — ко всем:

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдыхновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Не наталкивают ли эти строки на мысли, выходящие из сферы отношений интимных в сферу межчеловеческих отношений, особенно в наши дни?

Впрочем, в стихах Александра Яшина та-

кие «выходы» из области частных в области более широкие встречаются нередко...

Как бы подводя итоги этому кругу своих мыслей о роли и назначении поэта в современном обществе среди людей, которых он должен чему-то научить, поэт задумывается, естественно, и над своей личной ролью, над своим местом и своим путем в общем строю. И приходит к отрадному выводу. «Я как будто родился заново», — сообщает он и тут же уточняет:

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу.
Сам за все отвечать хочу...

Очень важное признание об ответственности за все, что происходит в этом лучшем из миров, чем не могли похвастаться герои поэмы «Алена Фомина». И дальше — о чувствовании чужой беды как своей и о равнодушии к славе, «коль без пользы людям она». И заключает стихотворение строфа, которая дает объяснение всему, что произошло за это время со всеми нами и с ним, одним из лучших поэтов нашего времени:

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя.
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение.
Вместе с ним повзрослел и я.

4

Стихи, которыми сразу же обратил на себя внимание молодой Александр Яшин, были стихи, как мы уже говорили, о его родной Вологодчине, в частности стихотворение «Вологда», в котором автор в полной мере воздал любимому им родному вологодскому оканью.

Ты проедешь волок, еще волок да
Еще волок —
Будет город Вологда.

Как поедешь ты ко городу ко Вологде,
Где хотел царь Грозный править-володеть,
По постоям не ходи, а правь по площади
По базарной, где в продаже скот и лошади,
Где воза с ржаной соломой и сенцом стоят,
Где водой проточной бабы скот поят...
Про Овдотью Олексеевну выспрашивай,
Все укажут, где хоромы охрой крашены...

Расскажи ты ей, Овдотье Олексеевне,
Как живем мы здесь, в колхозе, что
посеяли...

И заканчивается это стихотворение строками:

Вологда теперь разбогатела,
Вологжане, брат, взялись за дело,
Только окать не перестают.

Довольно долго не переставал окать и автор этих стихов. Однако чем зорче становится его взгляд, чем чаще обращается поэт к реальным проблемам народной жизни, тем чаще он отказывается от внешней орнаментовки стиха, тем яснее становится его стихотворная строка. Она вся устремлена к главному: донести мысль в полной ее незамутненности до сердца читателя. При этом эмоциональное содержание отнюдь не становится беднее. Ибо та простота, которой достигает здесь поэт, — не от бедности, а от подлинного мастерства, умеющего подчинить внешние формы стиха его внутреннему напряжению.

Устремленность поэта к ясности и глубине стиха, служащих предельно точному, исчерпывающему выражению мысли, как мы уже заметили, особенно проявилась в последних книгах поэта. Поэт пишет стихи о том, как он не сразу узнал, что васильки, которыми он привык любоваться в хлебах еще с детских лет, — всего лишь сорняки. Естественно, сообщает он, с тех пор, встречая эти цветы среди спелого хлеба, он уже отнесется «без прежнего к ним обожания». И заканчивает строками, ради которых и писались стихи:

Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

(«О форме и содержании»)

Об этом же, по существу, то есть о приоритете содержания над формой, о подчиненности формы содержанию, и некоторые другие его стихи, в частности «Ваши успехи», адресованные некоторым входившим тогда в моду молодым поэтам, понимавшим новаторство стиха лишь как новаторство формы. Как бы в пику им и не без иронии к пониманию ими роли поэта и назначения стиха, он заявляет:

Теперь вы — глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умащенные,
А мы — эпитоны,
Мы — консерваторы,
У нас и рифмы традиционные...

Не стесняясь этих традиционных рифм, а как раз применяя их, но применяя творчески, то есть обогащая их внутренним напряжением мысли, всем строем стиха, он создает действительные образцы лирики, составившие основу его книг «Бессонница», «Совість», «Босиком по земле», «День творения».

Следует отметить полную свободу поэта в его обращении со стихией слова, тяготение к смене ритмических рисунков в стихе, разнообразие интонаций:

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в спляшем морозном огне.
Не положено.
А летать бы
По сосновым верхам и мне
(«Беличьи свадьбы»)

Ждать остается недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка-Волга,
Следом за ней Двина.
(«Вешние воды»)

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Рассыпает холсты,
На кустах, будто свечи, —
Шеглы,
Клесты.

(«Пора и мне»)

В стремлении уйти от приукрашений, от игры словом ради самой игры он освобождает сам стих от эпитетики и метафористики, к которым так приучен читательский слух. Образная система стиха как его эмоциональное напряжение складывается из прямого и напряженного внимания поэта к предмету поэзии. Отсюда — такая ясность мысли и чувства, подчиненных замыслу поэта.

В книгах Александра Яшина совсем немного стихов белых или тем более так назы-

ваемых свободных. Зато о многих стихах, особенно входящих в книгу «День творения», можно сказать, что они написаны поэтом, свободно чувствующим себя не только в выборе ритмической системы, но и рифмы. Он не стесняется применять, когда это нужно, далекую от точности рифму, ибо неточность эта не ощутима в стихе, где мысль напряжена, а слово стоит на единственно определенном ему месте. Главное — стремление поэта — обеспечить всем строем стиха точность передаваемого им ощущения, чувства, мысли, А мысль эта об одном — научить нас быть ближе к земле и природе, к народу и его жизни. Ибо только тогда

Добру откроется сердце
И совесть будет чиста.

5

Александр Яшин — мужественный человек и мужественный поэт. Это доказывает и его понимание роли поэта в обществе, и его отношение к своему собственному творчеству. Когда он увидел, что на какое-то время поступил в своей работе правдой, он тут же мужественно признал это сам, без каких-либо намеков со стороны. Поступок, достойный уважения.

Трудно, но мужественно расставался поэт с этим земным миром, так глубоко чувствуемым и высоко ценимым им. Целый цикл стихов был написан им в больнице в дни, о которых он догадывался, что они — последние. Тем не менее стихи эти — не о смерти, они все — о жизни. И если и есть в них сожаление о преждевременном уходе, то это каждый раз сожаление о том, что приходится уходить, не успев выполнить всех своих обязанностей перед другими.

Несжатый клином жизнь лежит у ног,
Мне никогда земля не будет пухом:
Ничей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

(«Отходная»)

И там же:

Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
Но долги все те же.

Как тут не вспомнить его же стихи, написанные в начале этого периода: «Спешите делать добрые дела!»

И хоть поэт в стихотворении «Может, и надо мною...» отлично сознает свое положение:

Кончится жизни горение —
И нет тебя на примете,
Не одолжишь мгновения
Ни у кого на свете.

тем не менее он с достоинством встречает это последнее на его пути испытание, ибо сознает, что прошел свой путь не бесследно, а — главное — прошел его вместе с народом. На пути этом были и победы, были и поражения, но не было попытки уклониться от бед или радостей народных. И потому даже и в самый последний свой час поэт не собирается просить об участии к себе, ибо

Псжил в свою охоту,
Был ко всему причастен.

Озирая путь Александра Яшина, пролегающий через поле жизни и через поле советской поэзии, осмысливая его крутой поворот в направлении к истине, свет кото-

